

знанию должно прийти глубоко интимное, лично прочувствованное, базирующееся на факте веры наше мнение о целом мироздании. Очевидно, что в таком случае дихотомия «мнение — знание» «переворачивается с ног на голову». Но русская философия в лице космизма идет еще дальше. Оказывается, осознать единство мира как неразрывность рациональной и иррациональной его ипостасей — всего лишь пол-дела. Необходимо осуществить реально (например, в «общем деле») это единство, п р а к т и ч е с к и перевоплощая иррациональное, неизвестное и неявленное в актуально-значимое и космически-значительное.

¹ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1990. Т. 1. С. 8.

² Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 261.

³ Там же. С. 207.

⁴ Гайденко П. П. // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 134.

⁵ Бергсон А. // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 165.

⁶ Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 313.

Е. В. ХОМИЧ

РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Философско-методологический анализ национальных культурных традиций имеет особое значение для создания оптимальных экосоразмерных моделей социальной динамики. Несмотря на глобальный характер экологических изменений и на относительную общность технологических процессов, которыми они были вызваны, механизм взаимодействия общества и природы в разных точках планеты трудно назвать единым. Даже в пределах одного социально-экономического устройства конкретные общественные и политические структуры, формы организации производства, ценностные ориентации культуры в различных странах поражают своим многообразием. Следовательно, нельзя безапелляционно утверждать, что причины, приведшие к экологически неблагоприятным ситуациям в этих районах, были идентичны. Конечно, есть определенный инвариант в комплексе факторов, обусловивших обострение противоречий между обществом и природой в общепланетарном масштабе. Сюда можно отнести интенсивный рост материального производства, усугубленный возможностями научно-технического прогресса, энергоемкий характер современных технологий, неразумное природопользование, процессы урбанизации и социальной дифференциации и т. д. Однако все эти факторы в разных странах имеют свои, отличные от других, формы и механизмы проявления, во многом определяемые качественным своеобразием культурно-исторического опыта народа, функциональными особенностями его жизнедеятельности.

Исходным моментом при построении экологических моделей является проблема взаимодействия общества и природы, но сам образ природы и вырастающее из него отношение к природе значительно варьируются в разных культурах. Очевидно, что и просекты экологических преобразований всякий раз должны основываться на традиционных представлениях о природной среде, выработанных национально-исторической практикой.

Говоря о национальных образах природы и моделях социального взаимодействия с нею, представляется неправомерным рассуждать о них в категориях «лучше» или «хуже». Сегодня много пишут о несостоятельности европейского («прометеевского») типа отношения к окружающей действительности с его активной, креативистской направленностью. Если остановиться на фиксации в системе западной культуры только творчески-преобразующей, «экспансионистской» установки, то ни в коей мере нельзя понять ни широкой базы алармистских движений, ни

успешности экологических мероприятий в странах Западной Европы. Помимо представления о природе как о «мастерской», Запад создал своеобразный культ дома (а экология в буквальном переводе — наука о доме), сформировал мораль личной ответственности человека за любое свое деяние, выработал самую совершенную на сегодняшний день культуру труда. Бесспорно, было бы неплохо прибавить к этим характеристикам еще и то преклонение перед природным началом, которое свойственно Востоку, органичность его общественных связей и т. п.

Возможно, в будущем тот синтез культур, о котором мечтают современные теоретики, станет реальностью. Однако в настоящий момент представляется более плодотворным говорить все-таки о развитии экологически значимых аспектов в рамках национальных культурных традиций. При этом вряд ли какая-либо культура может претендовать на превосходство в трактовке проблем взаимодействия человека и природы.

Экологическая проблематика в контексте русской духовной традиции — одна из наименее исследованных тем. Появившаяся за последнее время масса публикаций по «русской идее» ориентирована преимущественно на выявление различных аспектов внутрисоциальной динамики или экзистенциально-психологических характеристик, но не на анализ механизмов антропоприродных взаимодействий. Собственно природный фактор оттеняется проблемами личности и культуры, интерес к которым обосновывается положением об их особых интегративных качествах, позволяющих России синтезировать все лучшее из традиций Запада и Востока и явить миру рецепт духовного исцеления.

Известная доля истины в этих рассуждениях есть. Русская культура действительно формировалась как культура синтетическая, культура, которая достаточно легко ассимилировала в себе инородные влияния. Возможно, в силу разнообразия природных и этнических систем она в значительной мере толерантна и восприимчива к чужой позиции, а соответственно динамична и мобильна в своих содержательных аспектах. Устремленная духовными интенциями на Запад, но укорененная материальными основаниями в общинных укладах Востока, Россия всегда выступала как неповторимое сочетание двух начал: активного и пассивного. Известные предпосылки для осуществления гармоничного синтеза восточной и западной традиций в системе русской культуры бесспорно имеются. Они вытекают как из своеобразия географического положения России, так и из многовековой исторической борьбы этих противоположных социально-культурных типов в русской жизни. Надежду на будущее даст также тот факт, что в историческом плане русская нация является сравнительно молодым этносом.

Универсализм и «всечеловечность» русского национального характера отмечали практически все отечественные мыслители. Действительно, раз уж скорбеть, так о судьбах по меньшей мере человечества, раз уж моделировать жизнь, то как минимум в космическом масштабе. Истоки подобного глобализма мышления напрямую связаны с уникальной пространственной беспредельностью России. Как ни банально звучит положение о «бескрайних просторах», но, судя по всему, именно эта бескрайность порождала стремление увидеть «край», ощутить предел. Конечно, трудно сказать, что за сила влекла русского землепроходца к горизонту, на «край света», но о принуждении тут говорить не приходится. В большинстве случаев освоение восточных территорий Российской империи проходило без какого-либо участия государства в этом процессе, а имело воистину народный и стихийный характер.

Русь степная, Русь кочевая надолго предопределила беспокойную природу национальной души. Непосредственным следствием подобной «беспредельности» народного духа явилась тема всеединства, составляющая сущностную особенность русской теоретической мысли. В аспекте экологической направленности наибольший интерес здесь представляет

линия естественнонаучного космизма, но космизм сам по себе вряд ли был бы возможен без этой общекультурной и философской традиции синтетизма и универсализма.

Однако универсализм выступает далеко не столь бесспорным достижением, как это может показаться. Конкретные формы его проявления чаще всего связаны с чрезмерной акцентировкой общего и даже всеобщего в ущерб единичному, отдельному. Русский человек — явление глубоко общественное, свои проблемы он предпочитает решать «всемирно», где после принятия подобного решения никакие сомнения в его рациональности уже не возникают, равно как не возникает и индивидуальной ответственности за его последствия. В сложившейся экологической ситуации подобная особенность общественного сознания вряд ли является ценностно-значимой и перспективной. Решать сегодняшние инвайронменталистские проблемы необходимо не только на уровне общества в целом, но и на уровне отдельного индивида, что в рамках русской культурной традиции осуществить чрезвычайно сложно.

В своих истоках глобализм мышления связан с еще одним свойством, характерным для русского менталитета, — недостаточной укорененностью на родной почве. «Беспочвенность» определяет и популярность страннических мотивов в русской культурной традиции, и трагедию русской интеллигенции. «В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками...»¹.

При этом неудовлетворенность действительностью и устремленность к концу, к пределу характеризуют русское мышление не только в пространственно-физическом аспекте, но и в историческом ракурсе. Как правило, русский человек с горечью отзывается о прошлом, с презрением о настоящем, но всегда преисполнен надежды и веры в будущее. Мир реальный, земной — лишь подготовка Царства Грядущего, в котором все будет разумно и все будут счастливы. То же — и в отношении к природе. Ее нынешнее состояние нельзя признать удовлетворительным, пока в ней господствуют смерть и тление, борьба и насилие. Лишь в будущем с помощью Человечества или Богочеловечества природное начало сможет преодолеть свое несовершенство и проявить себя с лучшей стороны. Даже В. И. Вернадский с его пафосом жизни и пантестистическим восхищением природой относит ее лучшие дни в будущее.

В этом эсхатологическом ожидании будущего обновления состоит один из парадоксов русской теоретической мысли. Несмотря на пафос всеединства, пронизывающий практически все концептуальные системы русской философии, в своих исходных основаниях ее мировоззрение дуально. Совершенство и всеединство — лишь идеал, отнесенный в истинно грядущее, которому противостоит несовершенство действительно, тварного бытия. Однако дуалистичность эта принципиально иного порядка, чем в системах классического европейского рационализма. Хотя различия между реальностью и абсолютом осязаемы, жесткой границы здесь все-таки нет. Их противоположность относительна, причем не только в смысле ее апокалиптического снятия в ожидаемом всеобщем катарсисе, но и в аспекте теургического основания тварного мира, а соответственно и присутствия высшего начала во всех явлениях жизни.

Характерная черта русского идеализма — его своеобразный «чувственно-телесный» характер. Материальное и природное здесь отнюдь не принижены, несмотря на все их несовершенства. Они необходимы для абсолюта, в них он находит себя и проявляет так же, как в истории общества и человека. «Бог пожелал создать красоту и для этого создал материю»². Красота — это то необходимое начало, без которого невозможно спасение мира. Она в состоянии интегрировать в себе и высшую истину, и высшее благо. В своей сущностной интенции русская мысль эстетична, ставя чувство выше разума, а красоту — выше истины. Но красота — это

единство материально-телесного и духовного бытия, это одухотворенная природа и совершенный природный дух.

Поиск этой неземной красоты, а также ее земное воплощение в творениях искусства — особая тема в системе русской духовной традиции. В аспекте экологического видения этой проблемы особое значение имеет постановка вопроса о необходимости учета динамичности природы, восприятия ее не как пассивного объекта человеческого творчества, но как живого и деятельного субъекта. О необходимости диалога с природой писали и русские космисты, и символисты, и религиозные мистики. Диалогично восприятие природы в рамках русского фольклора. Природные явления здесь повсеместно предстают как живые образования, судьба которых подобна человеческой и которые могут активно влиять на людскую жизнь. Подобного рода диалогичность — одна из самых характерных черт русского духовного склада. Такого рода открытости и готовности к общению, как у русского человека, нет, пожалуй, ни на Востоке, ни на Западе. При этом общение имеет в качестве своего субстанциального основания такую силу, как любовь. Русская философия — это по преимуществу философия любви, любви к твари сущей и Богу, природе и человеку, любви, которой свойственно чуткое и всепонимающее отношение к своему объекту. Возможно, именно эту тенденцию в парадигме русской ментальности следует развивать прежде всего. В контексте современных экологических реалий одной из самых настоятельных потребностей выступает возможность осуществления диалога с природой, способность воспринять и оценить ее как равноценного человеку субъекта, носителя творческих сил и возможностей.

Принимая во внимание всю важность и значимость вселенской любви в нормативных структурах русского мышления для сегодняшних экологических изысканий, необходимо более содержательно рассмотреть эту духовную установку, некоторые ее нюансы. Природа здесь действительно понимается как живое и динамичное образование, однако истинная ее ценность определяется не ее собственной сущностью, а проявлением в ней высшей ипостаси. Любовь и благоговение в действительности обращаются не столько к природе самой по себе, сколько к той универсальной и совершенной силе, которая с ней связана. Основные интенции человеческой души тем самым обращаются на выявление, извлечение из природы, во имя ее же блага, лишь наиболее гармоничных явлений. В конечном счете природа подлежит усовершенствованию, равно как и мир в целом, в направлении, соответствующем принципам более высокой красоты и разумности.

Сама по себе мысль о целенаправленном преобразовании природы — для ее оптимизации — безусловно продуктивна. Но мысль эта сложна в осуществлении, поскольку человек оказывается не всегда в состоянии предугадать действительные последствия своего вмешательства в естественный ход вещей. Результат чаще всего получается обратным ожидаемому, что достаточно логично, когда вместо трепетного и чуткого всепонимания, предполагаемого в абстрактном идеале, человек становится в позу диктатора по отношению к природным процессам. Если учесть, что чувство опасения или сомнения вообще мало свойственно русскому характеру — «коль рубить, так уж сплеча!», — то возможные результаты подобной «рубки» могут оказаться весьма плачевными.

Снятие всех очерченных противоречий в рамках русской культурной традиции могло бы произойти благодаря формированию ценностной ориентации в системе мировоззрения и практической деятельности не на идеальное будущее, но на действительное настоящее. Понять значимость современной реальности самой по себе, а не в ее обязательном соотношении с будущим, принять и полюбить ее в нынешнем, несовершенном состоянии — возможный путь, который позволил бы совместить полярные свойства русского характера. Безусловно, это легко декларировать,

но невероятно сложно осуществить на практике. С одной стороны, это связано с чересчур радикальной перестройкой сложившегося стиля мышления; с другой стороны, российская действительность редко даст основания для ее безоговорочного принятия.

Один из наиболее реальных путей «привязывания» русского человека к конкретной почве может состоять в актуализации национальной исторической памяти. Традиция — это гарант преемственности общественного и культурного прогресса, механизм органичной исторической связи. Именно приобщение к традиции дает чувство общности с культурно-исторической жизнью народа, формирует сознание не «лишнего» человека, чужого в любой социальной среде, а воспитывает чувство укорененности в своей действительности и ответственности за нее. Следование традиции — это забота о своем «доме», что на сегодняшний день является непременным условием преодоления экологических парадоксов в системе русской ментальности.

¹ Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989. С. 41—42.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 28.

ФІЛАСОФІЯ І МЕТАДАЛОГІЯ НАВУКИ

И. А. МЕДВЕДЕВА

ВЛИЯНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ДЕТЕРМИНИСТСКИХ СХЕМ НА ДИНАМИКУ СТИЛЯ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ (на материале истории биологии)

Перестройка оснований научного познания (введение в науку принципиально новых объектов исследования, изменение научной картины мира, смена классических норм и идеалов научности, появление новых подходов и методов) ставит в настоящее время не только вопрос о конкретизации функций философии по отношению к научному познанию, но и требует дальнейшей разработки ее принципов и категорий.

Большое внимание в этом плане уделяется исследованию проблемы детерминизма в философии и науке. Необходимо отметить, что разработка самого понятия детерминизма носит поисковый характер. Столкновение мнений происходит вокруг концептуального содержания учения и принципа детерминизма. Это свидетельствует о том, что мировоззренческий, теоретический, методологический потенциал детерминизма еще недостаточно использован. Последнее обстоятельство обеспечивает актуальность разработки проблемы, которая достаточно давно поставлена в философской методологической литературе — взаимосвязи принципа детерминизма и стиля научного мышления.

Постановка вопроса о связи стилей научного мышления с детерминистскими учениями ведет к повороту от исключительно онтологической трактовки детерминизма, которая в основном доминировала в философской литературе последних десятилетий, к методологической интерпретации его. Онтологическая трактовка детерминизма не полностью удовлетворяет требованиям методологического анализа, так как не включает в круг своих вопросов выяснение зависимости представлений о природе и характере взаимосвязей и обусловленности объектов и процессов от особенностей субъекта познания и его познавательных действий. Эта зависимость проявляется, например, в связи изменений способов постановки исследовательских задач, логики построения теорий с изменениями категориального аппарата различных детерминистских схем.